

УДК 910.3: 910.1:
913.1/913.8

Б. Б. Родоман [B.B. Rodoman]

РОССИЙСКАЯ ВНУТРЕННЯЯ ПЕРИФЕРИЯ

Russian Domestic Peripherals

Статья посвящена анализу содержания одной из фундаментальных географических категорий «внутренняя периферия». В качестве ключевых факторов формирования внутренней периферии России рассматриваются такие как упадок деревни и запаздывающий прогресс. Основными свойствами внутренней периферии выступают ее относительность и повсеместность, ареальность, линейность и точечность развития. Важное место отводится экологической роли Большой внутренней периферии.

Ключевые слова: периферизация, периферийность, внутренняя периферия, внешняя периферия, центр.

This article analyzes the content of one of the fundamental geo-graphic categories of "inner periphery". As a key factor tori forming the inner periphery of Russia are considered such as the decline of the village and delayed progress. The main properties of the inner periphery of the act and its relative ubiquity, areality, linear and point of development. Importance is given to the ecological role of large inner periphery.

Keywords: peripherization, peripheral, inside the periphery-dence, the outer periphery, center.

Введение

Обнаружение внутренней периферии – одно из важнейших открытий отечественной социально-экономической географии, основанное на непредвзятом изучении своей страны без оглядки на модные импортные концепции. Строго говоря, это понятие уже давно не является новым для российских социогеографов. Но оно по-прежнему ново и непонятно как для большинства российских чиновников, так и для обывателей. Как и прежде, большинство россиян не понимает, что различия между центрами и окраинами на каждом масштабном и таксономическом уровне для повседневного существования людей сплошь и рядом бывают важнее, нежели климатические различия между природными зонами или разница в условиях жизни между Калининградом и Владивостоком.

В настоящее время тему «внутренняя периферия» подробно разрабатывает В.Л. Каганский [2]. Многие её разделы мы в своё время начинали вместе. В этой статье я постарался обратить внимание на факторы упадка российской глубинки, рассмотреть некоторые свойства периферийности (относительность, повсеместность), формирование внутренней перифе-

рии в городах. В.Л. Каганский полагает, что вся Россия становится внутренней периферией мира. Я думаю, что пока она – внешняя периферия ойкумены, ещё не распространившейся на всю Арктику и Антарктику. Но для понимания географического положения России надо чаще смотреть на глобус, и притом со всех сторон, а не только на принятую у нас политическую карту мира в поликонической проекции с осевым меридианом 40° в.д., проходящим вблизи Москвы.

Большой вклад в понимание процессов внутренней периферии внесли исследования сельской жизни Т.Г. Нефёдовой [5], которые фактологически подтвердили многие позиции относительно периферизации, понимание которых сложилось еще в конце прошлого века.

Смею полагать, что первым, кто ввёл в географическую науку понятие «внутренняя периферия» был ваш покорный слуга. В статье, вышедшей в 1987 г. ([6], с. 47) и переизданной в 2002 г. ([9], с. 79), упоминается *интрапериферия* применительно к Валдайскому вакууму между Петербургом, Москвой и Варшавой, которая противопоставлена *экстрапериферии*.

Постановка проблемы

Внутренней периферией какого-либо централизованного ареала (например, узлового района) называются территории (субареалы), расположенные скорее ближе к его центру, чем к окраинам, но обладающие такими чертами окраин, как относительно плохая транспортная доступность, замедленное развитие, явное отставание по многим социально-экономическим показателям, архаические черты в ландшафте и быте населения. В простейшей и универсальной (тригонально-гексагональной) геометрической модели районирования и коммуникаций внутренняя периферия расположена в ячейках транспортной сети и, что то же самое, на стыках узловых районов (в узлах их границ) [8], но для понимания конкретной ситуации этого представления недостаточно, нужны новые математические модели, учитывающие дополнительные, побочные, «отягчающие» факторы *внутренней периферизации*: природные условия, этнический состав местных жителей, экономическую и прочую историю региона.

В Российской империи самая большая внутренняя периферия возникла в XIX столетии в треугольнике железных дорог Петербург – Москва – Варшава, охватив не только северо-западные губернии собственно

России (ныне – Российской Федерации), но и часть Белоруссии. Множество уездных городов оказалось в стороне от железных дорог и захирело. В XX в. аналогичную роль сыграли редкие и очень запоздавшие со своим появлением автомобильные дороги. Большинство мелких деревень исчезло, не дождавшись удовлетворительной транспортной связи с «цивилизованным» внешним миром.

Некоторые причины упадка деревни

Периферизацию российской глубинки повсеместно усугубляли в течение всего XX века различные по мощности воздействия, события и процессы, приведшие в итоге к полному, необратимому упадку сельской местности: Начало было положено столыпинской реформой, несовместимой с исторически сложившимся ритмом культурного ландшафта [7]. Ситуация резко обострилась в первую мировую войну, особенно в западных регионах, испытавших оккупацию, проходы армий, массовые движения беженцев. Тяжелейшие последствия для российского деревни принесли революции 1917 г., гражданская война, крестьянские восстания; коллективизация и раскулачивание; экспроприация лошадей у крестьян. Не менее катастрофичное, но и более масштабное воздействие оказали на разорение деревни Великая Отечественная война, гитлеровская оккупация, этнические чистки и репрессии. Не способствовали возрождению села послевоенные события и принимаемые руководством страны меры: переселение в опустевшие деревни из других, отдалённых регионов; право демобилизованных солдат-срочников прописаться на постоянное жительство в городе и другом регионе, т.е. освободиться от колхозно-совхозной крепостной зависимости; паспортизация с теми же последствиями для остального трудоспособного населения; укрупнение колхозов, ликвидация «неперспективных» малых деревень и принудительное переселение в искусственные совхозные посёлки. Непоправимый вред сельской местности, да и всей окружающей среде, нанесли, так называемая «мелиорация» (на самом деле – детериорация), и химизация – отравление земли неправильно применяемыми удобрениями. Успешно способствовал периферизации отдаленных поселений и изоляции населения от ближайших центров демонтаж узкоколейных железных дорог вследствие исчерпания запасов или нерентабельности дальнейших заготовок древесины и торфа. Завершили разорение российской деревни экономический кризис и разруха 1990-х годов, особенно приватизация и крах колхозов и совхо-

зов, неразбериха с собственностью, обусловленная рыночной экономикой невыгодность отдельных отраслей сельскохозяйственного производства и др. Одновременно активизировались процессы субурбанизации – замена традиционной деревни поселениями дачников, старинных изб – современными коттеджами, постоянных жителей – периодическими посетителями и т.д.

На юго-востоке европейской России, непосредственно не затронутом последней войной, периферизации противостояла привязанность коренных нерусских народов к своей незаменимой малой родине. Есть основания предполагать, что *этноконфессиональная неоднородность Волго-Уральского региона, официально скреплённая наличием этногенных республик в составе Российской Федерации, а также более патриархальный уклад с развитой семейно-родственной кооперацией и разделением труда спасли там сельскую местность от полного запустения* [5].

Запаздывающий прогресс

Почему очевидные, полезные, прогрессивные новшества, прежде всего новые виды транспорта и связи, приводят сплошь и рядом к обратным результатам – к всё большему отставанию и упадку российской глубинки? Можно полагать потому, что они высаживаются на иную, чем в Западной Европе, не подготовленную почву. Помимо известных природных условий и факторов (суровая зима, обилие лесов и болот и раскисающих от дождя суглинков, весенняя и осенняя распутица), это низкая плотность населения, редкая сеть городов, огромные расстояния. Это не в последнюю очередь и деспотический характер государства – оно у нас не *служебное*, обслуживающее массу населения как нанявших его налогоплательщиков, а *господствующее*, удовлетворяющее в первую очередь потребности своих правителей. К середине XX столетия подавляющее большинство государств мира преобразовались из господствующих в служебные. В России были две неудачные попытки – в 1917 и в 1991 гг.

В нашей стране многие западные новшества распространяются с большим опозданием и настолько медленно, что не успевают насытить пространство до того, как появляются новые средства коммуникации. Экспериментальная и увеселительная (как аттракцион) железная дорога Петербург – Царское Село открылась всего лишь через 12 лет после того, как в Англии в 1825 г. заработала линия Стоктон – Дарлингтон, но дальняя и первая по-настоящему утилитарная железная дорога Петербург – Москва

опоздала по сравнению с английской уже на 26 лет. К началу XX столетия в европейской России в основном сформировалась нынешняя сеть железных дорог, но до большей части страны – до Северо-Восточной Сибири рельсы так и не дошли. В дальнейшем сроки такого запаздывания всё более возрастали – вопреки кажущемуся очевидным ускорению темпов научно-технического прогресса. Похоже, что в ряде случаев лишь в больших городах наступление прогресса ускоряется, тогда как в глубинке оно замедляется. Так, телефон в городах России появился в конце XIX в., но до села он повсеместно дошёл только сто лет спустя, да и то в виде одного общественного телефона-автомата на деревню, когда почти все её жители и посетители уже обзавелись мобильными аппаратами.

Для российской провинции и периферии характерно *отсутствие саморазвития и преемственности*. Все импульсы происходящих там изменений исходят из столиц и выглядят как неожиданные удары, как форс-мажорные бедствия, рано или поздно разрушающие любые местные начинания (см. выше перечень 18 катастроф в нечернозёмной деревне).

В средней полосе Западной Европы массовая автомобилизация легла на густейшую сеть рельсовых путей. Так, в Бельгии в 1925 г. было 31,3 км железнодорожных линий на 100 км² территории [1], в Ломбардии в 30-х годах на 23,7 тыс. км² площади этой исторической области приходилось 1400 км обычных железных дорог и, кроме того, 1063 км линий внегородского (!) трамвая [4]. В Австро-Венгрии трамвай ходил даже из Вены в Пресбург (Братиславу). Европейские крестьяне при наличии хороших дорог с твёрдым покрытием постепенно пересаживались на мотоциклы и автомобили, тогда как и лошадей у них никто не отнимал. Русская же деревня лошадей лишилась, а общедоступного и удовлетворительного автотранспортного сообщения не дождалась и потому большей частью исчезла, оставив на память о себе на топографических картах названия урочищ, ныне в пригородных зонах застраиваемых коттеджными посёлками.

Происходящие в России изменения можно охарактеризовать как пространственно *поляризованный прогресс* – такое внедрение полезных новшеств, при котором чрезвычайно возрастают контрасты между центрами и периферией. Такой прогресс может быть *позитивным*, когда отставание окраин только относительное; оно нарастает, но при этом качество жизни увеличивается повсеместно, т. е. имеет место *справедливое, стимулирующее неравенство*. Но этот прогресс может быть и *негативным*, если качество жизни на периферии ухудшается абсолютно, т. е. в рассматрива-

емом отношении становится хуже, чем было раньше. Это уже неравенство *несправедливое*, не стимулирующее, а *подавляющее*. (Научно плодотворное понятие о справедливых и несправедливых социальных неравенствах впервые сформулировал Ю. В. Самодуров [12]). Есть основания полагать, что в российской глубинке преобладает негативный «прогресс», т. е. для неё это явный регресс по многим показателям.

Относительность и повсеместность периферизации

Важными свойствами внутренней периферии, особенно актуальными в специфических и уникальных российских условиях, являются её *относительность* и *повсеместность*. Нельзя с полной определённой сказать и показать на карте, какие места у нас являются периферийными, а какие центральными. Всё зависит от той «системы координат», в которой они выявляются. Важнейшей координирующей системой в нашей стране является, как известно, административно-территориальное деление (АТД), так что в первом приближении мы найдём столько видов центральности-периферийности, сколько имеется рангов у официального АТД: есть внутренняя периферия у областей, муниципальных районов и т. п. Но к ним надо добавить неофициальные, неявные, узловые районы, например в виде латентных, ныне и временно несуществующих округов, бывших когда-то официальными (например, Тарский округ в Омской области) или никогда не бывших таковыми, но отчасти выявленных, например, в знаменитом районировании Е. Е. Лейзеровича [3].

Повсеместность внутренней периферии вытекает из её относительности. Почти для любой точки можно найти объекты, по отношению к которым она будет центральной или периферийной.

Периферийность ареальная, линейная и точечная

Отношение центр – периферия возникает не только между центром (ядром) и окружающим его обширным ареалом, но и по сторонам какой-либо оси, а также между пунктами (относительно малыми ареалами, которые на мелкомасштабной карте обозначены пунсонами). *Двусторонними осями центральности* являются магистрали *континуального транспорта* (допускающего транспортные операции в любом пункте трассы [6]), *односторонними* – берега морей, используемые более или менее сплошь и равномерно, например, для рекреации. И, наконец, периферийным или центральным может быть положение в множестве (рое)

пунктов. Так, Пенза, будучи центром своего региона (области), является слабо выраженной внутренней периферией по отношению к Москве, Нижнему Новгороду, Казани, Самаре, Саратову, Воронежу.

Внутренняя периферия в городах

Внутренняя периферия существуют в разных масштабах, на всех уровнях – от глобальных до локальных. Она встречается даже внутри поселений – городов и больших, многоуличных сёл. В городах это *зоны пониженной урбанизации*, отличающиеся редкой или малоэтажной застройкой, реже населённые, с садами, огородами, пустырями, лесопарками, охватываемые городской жизнью в последнюю очередь:

- 1) *физические*, продиктованные природным и антропогенным ландшафтом – на болотах, в поймах, на крутых склонах, на бывших свалках, промзонах, аэродромах, кладбищах;
- 2) *позиционные* – в относительной удалённости от магистральных дорог и улиц.

В полустихийно растущих российских городах внутренняя периферия как правило возникает из внешней. Её основой может быть *зелёный клин* – занятое лесами и/или полями, не застроенное пространство между радиальными дорогами, исходящими из центра города или городской агломерации. В Подмоскovie один такой, самый широкий и наименее урбанизированный клин в 2012 г. присоединён к Москве [11]. Это пока ещё внешняя периферия Московской агломерации, но она вскоре станет внутренней, после того, как начнётся интенсивная застройка примыкающих к ней остатков Подольского и Наро-Фоминского районов, а также Калужской области. Внешней периферией Москвы был некогда единый лесной массив Сокольников и Лосиног Острова, но теперь это ближняя внутренняя периферия Московской агломерации, с её дистальной стороны окружённая, «заблокированная» городами Мытищи, Королёв, Щёлково, Балашиха.

До самой середины XX столетия в Москве даже внутри Садового кольца была ярко выраженная внутренняя периферия, например, в виде Арбатских переулков, где сохранялись одноэтажные деревянные дома с садами и огородами и даже кто-то держал корову (правда, уже только в стойле; пастбища в поймах реки Москвы и Пресни исчезли вскоре пос-

ле революции 1917 г.). Другой яркий пример, сохраняющийся и ныне – геометрический центр территории города Коломны, внутри её Большого трамвайного кольца. Там не случайно много места занято парками, стадионами, детскими площадками.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Экологическая роль

большой внутренней периферии

В моих работах российской внутренней периферии отводится важная роль сохранения и развития природного ландшафта [10]. Осуществление этой задачи не требует существенного финансирования. Традиционный экономический подход с рассуждениями об инвестициях, занятости и рабочих местах тут совершенно не уместен. Восстановление дикой природы Нечерноземья идёт само собой, надо только ему не мешать. Внутренняя периферия – потенциальная опора экологического каркаса и эконета. Искусственная вторичная колонизация российской глубинки за пределами пригородных зон бесперспективна. Немногим оставшимся там постоянным, коренным жителям, которые по-настоящему привязаны к своей малой родине и хотят вести там традиционный образ жизни, должны быть предоставлены *права аборигенов*, независимо от их этнической принадлежности.

Выражаясь «географически политкорректно», мы можем сказать, что российская внутренняя периферия – не больная и упадочная земля, нуждающаяся в лечении традиционными экономическими методами, но *альтернативно одарённая* хорошими экологическими возможностями для сохранения и процветания природного ландшафта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бельгия // БСЭ, т. 5, 1927, стлб. 467.
2. Каганский В. Л. Внутренняя периферия – новая растущая зона культурного ландшафта России // Изв. РАН., сер. геогр., 2012, № 6.
3. Лейзерович Е. Е. Экономические микрорайоны России (сетка и типология). М.: Трилобит, 2004.
4. Ломбардия // БСЭ, т. 37, 1938, стлб. 369.
5. Нефёдова Т. Г. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003.
6. Родоман Б. Б. Экспрессный транспорт, расселение и охрана приро-

- ды // Методы изучения расселения. М.: ИГАН, 1987, с. 44–54.
7. Родоман Б. Б. Земельные реформы и ландшафт // Куда идёт Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. М.: Аспект Пресс, 1996, с. 487–488.
 8. Родоман Б. Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999.
 9. Родоман Б. Б. Поляризованная биосфера: Сборник статей. Смоленск: Ойкумена, 2002.
 10. Родоман Б. Б. Экологическая специализация России в глобализирующемся мире (Проект нестандартного решения) // Общественные науки и современность, 2006, № 2, с. 78–88.
 11. Родоман Б. Б. Отклик на расширение Москвы // Интелрос, 28.XII.2011. www.intelros.ru
 12. Самодуров Ю. В. Вместо предисловия и послесловия // Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России. М.: Изд-во «Референдум», 2003.

ОБ АВТОРЕ

Борис Борисович Родоман — доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева. E-mail: tanyag26@yandex.ru

B. B. Rodoman — Doctor of Geographical Sciences, a leading researcher at the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after DS Likhachev. E-mail: tanyag26@yandex.ru